

СЕВА СМЕХОДУВ

ОБУРЕВАЮТ ЧУВСТВА –

ОДУРЕВАЮТ МЫСЛИ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МОНОЛОГ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сева СМЕХОДУВ

**Обуревают чувства – одуревают
мысли. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МОНОЛОГ**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Смеходув С.

Обуревают чувства – одуревают мысли. Эмоциональный монолог /
С. Смеходув — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Творец разрешился от бремени мыслей. В юношеские лета лишь хватался за голову: «Стоп, стоп, стоп...» -- Мысли его шустро разбегались и прятались, какая куда. Не догонял. Годы берут своё. Юноша бледный со взором горящим стал мужиком, перегаром смердящим. Заматерел. Помудрел. Поднаторел. Ползучие выражения скользкими писклявыми выводками выпускает из детородного подсознания. Они оперяются и громкогласно гомонящей стаей от творца -- на волю, в народ. Крылатые слова. Автор назойливо убеждает, прочих читать -- попусту напрягать зрение. Бледная копия слепящего оригинала. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Неопределённое настроение	7
лахудра	8
Её, порочной, портрет побочный	9
Панибратство	10
Сексапильная	11
Угроздило, зацепила	12
Канун бракоразвода	13
Алогизм	14
Солидарность	15
Алогизм	16
Солидарность	17
Ой	18
Ай	19
Орфографический казус	20
Вульгарная буква	21
Долговязый тинейджер	22
Выходной!	23
Сексперемент	24
Фурор на концерте поп-звезды	25
Из наблюдений орнитолога	26
Н. В. Гоголь и преемники	27
Бумагомарание	28
Скупердяй кокетке	29
Гады	30
Команды для банды	31
Канючине голодранки	32
Эпиграмм	33
Созерцательная услада	34
Афроизм	35
Инокомыслие	36
Гламур и кашель	37
Парадокс клоповника	38
Козёл заика	39
Самолечение	40
Шрамы от драмы	41
Психиатр неврастенику	42
Непонятка	43
Всякое счастье предвестник несчастья	44
Паника у краника	45
Квинтэссенция	46
скатерть самобранка	47
Приставучей злоебучей	48
Тайны застолья	49
пить водку по-русски	50
Человек без недостатков	51
Зонка-выпивонка	52

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Сева Смеходув

Обуревают чувства – одуревают мысли. Эмоциональный монолог

Дамы и господа, пацаны и девки! Вас приветствую я, Петров-Рюмкин.

Да-да, тот самый Петров-Рюмкин, косвенный потомок художника Петрова-Водкина, гения, непонятого современниками.

Его шедевр «Купание красного коня», на котором пожарный шваброй драит в Москве-реке, под стенами Кремля, пожарную машину, породил неутихающие споры ценителей живописи: пьян огнеборец или трезв.

Почитатели моего смешильческого таланта озадачены не меньше. Балуют они меня банальным для авангардистов вопросом: «Ваше кредо?» – «Моё кредо?.. Похмелиться – до обеда. Хе! Кредо...»

О, о! Мужик – лыбится-то, лыбится! – шире арбузной корки.

Ну так ещё б!

Если ты с малых лет водку вёдрами пьёшь, ты поймёшь меня, друг, ты поймёшь...

Недопонявшим поясню.

Я про телевизор.

Если где-то слышен мат, телевизор виноват.

Вглядываться, вслушиваться в него, во включенного, нам, интеллигенции мыслящей, с нашими-то нервишками щепетильными, психиатрией противопоказано – рехнёшься... или сопьёшься.

Показывает – не то.

Комментирует – не так.

Комментаторы – не те.

Безнадёга! Кошмар! Фантасмагория!

Глаза б не видели, уши б не слышали...

Ведь это ненормально?

Забыться надо, правильно?

Не просто так ведь выпить тянет –

слух притупится, зрение –

и жизнь вполне пригодной станет

для употребления.

Свежая мысль на тухлом месте, верно? Э?

И таких в голове моей – битком.

В частности, для ясности.

Неопределённое настроение

Чего-то хочется, а чего не пойму – то ли бабу, то ли Пушкина почитать.
Нет, Пушкин, всё-таки. Пушкин.
Пушкин, как-никак, не какая-то там

лахудра

Ни чёсана, ни мыта, ни крашена, ни брита.
Ни что не шевельнулось – ни в душе, ни в штанах.
Конечно, Пушкин!

Её, порочной, портрет побочный

Я знаю точно – ты худосочна, нечистоплотна, характер склочный.

Панибратство

Сборище польских феминисток.

Сексапильная

Напиленная на сувениры.

Отбоя нет. И пилят и пилят, и пилят и пилят...

Угораздило, зацепила

Вляпался в запутку, запал на проститутку.

Канун бракоразвода по классику почти

Жена мужа матом кроет,
В мясорубке фарш крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Э? Дотянул, по-моему. Э?..
Я себя под Пушкиным чищу, чтобы Пушкина стать похлеще.

АЛОГИЗМ ИЗ ЖЕНСКОЙ ЛОГИКИ

Если бить палкой по пяткам – наказание, то самая мстительная обувь – шлёпанцы.

Солидарность

Все бабы дуры, одно у них – мордашки и фигуры.

АЛОГИЗМ ИЗ МУЖСКОЙ ЛОГИКИ

Если после третьего стакана водки ты сбился со счёта, значит у тебя нелады с арифметикой.

Солидарность

Все мужики скоты, в том числе и ты.

Ой

– Ой! Я сегодня сам не свой.

Ай

– Ай! Может, помиримся давай?

Орфографический казус

Почему нужно писать «объятя», а «объятье» нельзя? Я, например, при встрече друга, единожды обнимаю его – и то по-братски, без экстаза. Он меня, бывает, нет. Обиделся.

Вульгарная буква ассоциативная антипатия

Распростёрла объятья —
корячится,
как мужик
в неглиже,
вульгарная
буква
Ж.

Долговязый тинейджер

Вымахал подросток, до колен отросток.

Выходной!

Куда податься? С кем бухнуть? Кому отдаться?

Сексперемент

Впервые попробовать не так, а по-другому: «Поставим сексперемент? Э?»

Фурор на концерте поп-звезды

В экстазе девушки визжали и в воздух трусики бросали.

Из наблюдений орнитолога

Редкая птица долетит до середины Днепра и возвращается обратно. Обычно они устремляются к противоположному берегу – и дальше, дальше, дальше...

Н. В. Гоголь и преемники

Затворник Николай Васильевич Гоголь оставил потомкам после себя «Смех сквозь слёзы». Плеяда экранных юмористов тужится оставить под собой «Твёрдый стул сквозь понос».

И форма не схожа, и содержание разнится.

Бумагомарание

Опротивело
няньке
метко
круглые буквы сажать
на тетрадь
в клетку.

Скупердяй кокетке

– Так вот какая ты? Я дарил цветы, а целовал какой-то гад. Верни цветы назад! Гад...

Гады

Водолазы ищут клады. И находят даже. Гады! Хотят они, чтоб в бурном море тонули чаще корабли.

Команды для банды

Атас! В нас враги пустили газ. Атас! Надевай противогаз. Атас!

Канючиие голодранки

Судьба, прошу, не пожалей добра – дай шубу мне из норки, мужу из бобра.

Эпиграмм потерпевшим от В. Гафта

Капнет на темя
весной соловей,
кулаком не грози
в поднебесие ей,
свиристящей пичуге,
и камень не брось –
эпиграмм не кило,
шишки нету небось.

Созерцательная услада

Кино все возрасты покорны.

Афроризм

Краткое негритянское изречение.

Инокомыслие

Единообразное монастырское мировоззрение.

Гламур и кашель

В прихожей под вешалкой чинно стоят босоножки – чистенькие, гламурные, только что из модного бутика.

С веранды, сквозь неплотно прикрытую дверь, слышен надрывный туберкулёзный кашель: «Кхы-кхы-кхы... кха-кха... кху...»

Босоножки слушали, слушали, нервишки не выдержали – открывают дверь, заходят на веранду и учтиво спрашивают:

– Галоши, отчего вы так ужасно кашляете?

Старые, грязные, задрипанные галоши злобно отвечают:

– Закашляешь! Вся жизнь прошла в сырости. Кхы-кхы...

Парадокс клоповника

Дегустаторы подметили: коньяк пахнет клопами. И это аксиома. Но вот что поражает. Клопов за свою жизнь передал я не счесть. Ни один не пах коньяком! И это парадокс.

Как тут не вспомнить провидческую пушкинскую строку: «...и гений, парадоксов друг». Поразительно!
Постичь. Предречь. Указать.
А ведь не дожил Александр Сергеевич до моего рождения без малого полтора века. Поразительно...

Хотя, с другой стороны, чему поражаться?
И Пушкину и мне, обоим нам присущ дар ясновидения.
К примеру, я ясно вижу сходство дебила с гением – у первого повреждение ума, второй умом повреждённый; нормальными их не назовёшь – ни того, ни другого.
Согласны?
Согласны?
О! – киваете.
Почти все киваете.
Я за собой странность эту тоже подмечал. Бывало, слушаешь кого-нибудь, соглашаешься, киваешь... взгляд сообразительный – что у дельфина дрессированного... а сам втихаря прикидываешь: «То ли я тупой, то ли ты ещё тот остряк. Соль-то в чём?»

В диагнозе!

Осознать себя дураком способен только умный, для дурака – непосильная задача.

Человек не обезьяна, чей интеллект не без изъяна.
Он мыслящее существо.
Так пользуйтесь же этим преимуществом!

Про дебила я.
Прикиньте.

Козёл заика

В кабинет к врачу, логопеду, заваливает мужик взволнованный и за собой на поводке козла тащит.

Логопед:

– Гражданин, вы с ума сошли? На приём с козлом являетесь!

– Доктор, козёл необыкновенный, человеческую речь понимает и разговаривает. Заикается, правда. Подлечите?

– Как это заикается? – заинтересовался логопед.

– А вот так. Представляете – просыпаюсь, из окошка выглядываю и вижу – на огороде козёл какой-то пасётся. Я выскакиваю – ему: «Ты от куда тут взялся, козёл?!» А он мне: «Ме... ме... ме...»

– Ну и что? – разочаровался логопед.

– Как что? Как что! «Местный» хочет сказать, «местный». Не выговаривает только, заикается.

Тут логопед смекнул с кем дело имеет, уболтал дебила отвести козла к психиатру, на собеседование.

И повёл дебил козла, куда ему было сказано.

Так и со мной, явно не в себе.

Самочувствие вызывает сочувствие.

Пора к врачу, но не хочу – от уколов я торчу.

Здоровая самокритичность, улавливаете?

Значит, не безнадежен я.

Чего и вам желаю.

Только толку-то!

Известно ли вам, сколько всяческих болезней на человека ополчилось? Э?

Медики подсчитали, двадцать тысяч.

Каково? Э? На каждого – двадцать тысяч.

Жуть!

Думаете – запугиваю, преувеличиваю?

Как бы не так!

Полистайте, сами убедитесь, настольная книга пенсионера – «Болезни, которые нас выбивают».

Какая-нибудь да доконает. Неминуемо.

Но это в будущем.

Настоящее оптимистично.

Чуть что – в аптеку.

Ассортимент радует. Рецепт прост, распространён.

Самолечение

Пока дышится – дыши.
Где минус, там и плюс.
Все лекарства хороши,
выбирай на вкус.

Шрамы от драмы

Семейный уклад в рамки счастья не укладывается. Вечные дразги. Скандал! Дебош! Покой нам только снится... Как это на здоровье отразится? Э?.. Пагубно!

Психиатр неврастенику

– Благородный пыл негодования разрушит психику до основания. Плюй на всё, что раздражает на пути! В надменное презренье ярость преврати.

Непонятка

Странно: выражение «масса неприятностей» расхожее, но никто не указывает точный вес.

Критерии счастья ещё более размыты – от долгожданного и затяжного до неожиданного и мимолётного.

Конфликт извечен. Противоборство не в пользу нашу. Напастей уйма, навалятся – не спросят; счастье выборочно, по интересам.

Определения варьируются. Набор, на выбор:

счастье – когда у тебя не болит,

счастье – когда у тебя стоит,

счастье – когда тебя понимают,

счастье – когда из тебя вынимают,

счастье – в любви полоумной и страсти,

счастье – достаток, игрушки и сласти,

счастье – согреться, продрогнув в ненастье,

счастье – в беде чья-то помощь, участие,

счастье – джек-пот, козырные масти,

счастье – угнать, разобрать на запчасти,

счастье – навеки остаться при власти,

счастье – пилить миллиарды на части,

счастье – в чинах, в самоволке из части,

счастье – женитьба на педерасте,

счастье...

счастье...

счастье...

Продолжить?

Можем.

Но не стоит, подытожим.

Всякое счастье предвестник несчастья

Счастье – лишь бегство судьбы от напастей: спасенье возможно, но только отчасти.

Утрирую?

Усугублю.

В жизни нет ничего полезнее вредных привычек, иначе бы человек цепко так за них не держался.

– Капля никотина убивает лошадь.

– Хорошо, что я не лошадь!

– Капля спирта скопытит зебру.

– Жаль, что я не зебра!

Экономия-то какая. Э?

И то, и сё купил бы.

Облом – ни то, ни сё не купил.

Н-да, жаль, жаль...

Паника у краника

– Мужики! Что за паника? Спирт вдруг потёк из водяного краника? Э?

Квинтэссенция

Я по-простому, по-нашенски рассуждаю, по-мужицки. Смысл жизни – в чём он, был и есть? Отпахать, на милку влезть.

Ну и пожрать, понятно, от пуза – калории. Чем мяснее, тем вкуснее.
Досконально могу, яснее.

Я тарелок не признаю, со сковородки – с пылу с жару. Пицца – вкуснотища! Домашняя. По старинке.

Где по старинке ещё тебе, со сковородки? Э?.. Кафешка? Ресторан?.. Шиш!..
Дождёшься... Макдоналдс американский, суши бар японский, пиццерия итальянская... Раз-
велось.

Интернационал! Кулинарный.

Кому как.

Некоторым нравится...

Оно, конечно, да – экзотика, сервис.

Чуждое это только, не родное.

То ли дело наша, русская

скатерть самобранка

И напоит, и накормит, и обматерит.

Приставучей злобучей

– Ты уж, милка, не взыщи – мне бы водочки да щи. Сперва выпью, закушу, а опосля уж
– согрешу

Тайны застолья

Книженицю по случаю надыбал: «Тайны застолья. Чем закусывать водку».
Отпад книжениця! Фотки. Цветные. Устрицы, омары, икорка, балык...
Листал, листал...
Увлёкся.
От корки до корки.
Да так и не врубился. Для кого напечатали? Э?
Для интуристов! Без вариантов. Им, лохам, невдомёк. Но почему-то на русском.
Начало – убойное. Я наизусть, произвольно: «Закусывайте сытной и ароматной едой,
способной перебить вкус водочной горечи».

Э? «Горечь!» Э?
«Сытной и ароматной». Э?
«Перебить!» Э?

Оно, конечно, да – перебивает.
Некоторым нравится...
Чуждое это только, не родное.
Я привык

ПИТЬ ВОДКУ ПО-РУССКИ

Натошак и без закуски.

Экстрим?

Норма.

Экстрим.

Человек без недостатков

Человек без недостатков – личность тёмная, загадка; ни блядун, ни выпивоха – значит, падла – жди подвоха.

Зонка-выпивонка Фантасмагория для балаганных кукол в трёх глюках

Злодействующие лица

Блатной Пегас. Битый досиня, несудимый с осени. Завсегдатай зон да тюрем – то в ШИЗО, то в БУРе, то на нарах, то на шконке, то в КПЗ, то в осуждёнке... Мотать срок задолбался – и в бега подался.

Генерал Наднамный. Важняк-милиционер, начальник контрразведки Системы спецмедвытрезвителей МВД СССР. В гастроном направлен – по заданию вышестоящего по званию. Цель задания проста: проникнуть в злачные места, среди народа покрутиться, по-свойски в очередь внедриться, купить бутылку водки и обстановку отразить в оперативной сводке.

Капитан Нержавейка. Генеральский адъютант – служака, карьерист, педант.

Рыжий Опер. Сыскарь – супер. Под бандюгана шифруется, на погоняло «Ржавый» отзывается.

Продавщица Клавка. По благу водку продаёт из-под прилавка.

Васька Подтёркин. Он легче Родину предаст, чем займы копейку даст. Филки в свиню-копилку заначивает, капиталец сколачивает; приторговывает чем придётся. В миллиардеры рвётся.

Илюха Неврубон. Кряжистый, будто из дуба топорами тёсанный – детина, ломом подпоясанный. Пролежал пластом он тридцать лет на печке – самогонку пил, при свечке. Послан деревенской сходкой ходоком в Москву за водкой; паспорт, кошелёк по пьянке потерял; угрозило – застрял. Не врубится – как извернуться, чтоб в деревеньку возвратиться.

Старец Калькутта. Марьинощинской заточки старичок! Греет зоны: за колючку уркаганам наличман шлёт с воли – на чифир, водяру, табачок... В фуре, на «Камазе», мешки с баблом по кичманам развозит. Первым жиганами был на Соловках коронован! Для тех, кто с понятием, – навроде священной калькутской коровы: за то, что впрягся сидельцев кормить и поить, не моги его ни резать, ни доить.

Зомбуша. Кто он – и сам не знает, дурик: живоглот или жмурик.

Банда Белых фильтров:

пахан Ворохан. Карак казанский. Смотрящим за Москвой ордынцами поставлен, братвой татарской. Козырный, с весом! Под гжель расписан.

Брательники Боковички. Засовывают фраерам в носы бычки; изредка, из уважухи, – сигареты целые, фильтры – белые; не всем подряд, а кто в дымину пьян – свалился, где отруб

застал – до хаты не дотопал. Плачь по мужу, Пенелопа!.. Хохмачи. Ещё и не такое горазды отмочить.

Качок. Старший Боковичок.

Сморчок. Младший Боковичок.

Мальчик Филипок. Этот маленький шалун опасен, как медведь-шатун. Всюду шатается с косяком – папиросина в зубах, с прикушенным мундштуком. Что мены, что урки – ему до фени по обкурке: кому бы ни забил он стрелку, разборка кончается перестрелкой.

Девочка Роза. Из «Кама-сутры» знает позы. За гринь она путанит, на шару трахаться не станет; её дрючат интуристы – герр, месье и даже мистер.

Растерзайка. Шмара из кошмара.

Старушка Пердушкина. Спекулирует водкой и тем, на что был спрос, когда была молодой.

Полемист Демагогиевич Балаболкин. Эталон горячего демократа: краснобай, обожатель дебатов; доводят словопрения до умоисступления – предпочтёт под пытками загнуться, нежели заткнуться.

Шурка Местнота. Шуропан, домушник; на сотни краж одна отсидка, прушник.

Ванька-остаканька. Шахтёр, бугор; глазомер – барменам пример. Под видом ремонта теплотрассы, подкоп мастырит под сберкассу.

Шахтёры. Бригада горняков, пятеро сутулых мужиков.

Товарищ Синюгин. Председатель колхоза имени «70-летия Летящего в коммуны паровоза».

Колхозники-продотрядовцы. В Москве крестьянский продотряд сметает с полок всё подряд: спиртное, съестное, штучное, развесное... Штурмуют кассы под транспарантом красным: «Даёшь колбасы в массы!»

Кулак Шматок. При Ленине раскулачен, подался контрик в лес. Про Перестройку от геологов прослышал. Вышел. Злобствует! Под полой – обрез. Поквитаться с коммунаками грозит, за коллективизацию. В очередях ведёт махровую антисоветскую агитацию.

Зубилыч. Стахановец, фронтовик – сталинской закалки большевик.

Сявка Бескликушный. Бормоглот – ещё тот! Пьёт – что течёт: любая влага – на спирту – ему во благо, слабоумный доходяга.

Хаим Фрайерман. Ни в мать еврейку, ни в еврея, своего отца, в кошаре иудейской паршивая овца – запойный пьяница.

Доктор Айбодун. Экстрасенс, шаман, колдун. Эскулап из греков... не голова – аптека! Рукоприкладством лечит, бубном, палочкой с огнём бенгальским, волшебными финиками,

себя – в поликлинике. Пациенты, кто не протянул ноги, чудом повыздоровливали – правда, немногие.

Кроме говорливых артистов, задействованы горластая массовка и бессловесные статисты: крики, цивилизованные и дикие, дворник, чистоты поборник, снующие прохожие, на нас с вами похожие, горцы в кепках-аэродромах, пара, с носилками четверо санитаров, в рыцарских доспехах металлист, балалаечник-плясун, колченогий солист, торгаш с детской коляской, в белом халате, столпотворение покупателей, милицейский патруль – ретивая тройка, на Блатного Пегаса облава, полувзвод, двое дружинников и демонстранты – орава.

Помимо персонажей, очеловечиванием титулованных, шелупонь задействована, дрессированная: Тузик, рыбка, мухи, кошки, чёртики, воробушки и мандавошки.

Время. Соответствует галлюцинируемой теме. Междусобойчик кремлёвских важняков правит толпению крезанутых глупняков. По всей стране проходят митинги и шествия, налицо симптомы массового сумасшествия.

Глюк первый

Штрафной изолятор. Меблирован казённо. На цементных подмостках шалый архаровец в зебристой робе. Сиделец окрылён Блатной Музой. Бенефис.

Блатной Пегас декламирует от решётки вертухайскому глазку:

– Из тюрьмы
спецом для вас
стишок прочтёт
Блатной Пегас.
Забубённого, меня
повязала ментовня.
Налетели кодлой –
и запинали, падлы.

Повод веский, а выпить не с кем. Крытка! Лафе кранты – отсидка... Скоротаю-ка облом воспоминанкой о былом.

У зэка в думках что? Свобода!.. За себя базарить буду... Что пятерик на зоне, что десятка: откинешься, воля – в непонятках.

Помню, ходу дал я в мае. Чуть не сошёл тогда с ума я!.. Государила в те годы партячейка – Политбюро ЦК КПСС, четырнадцать кремлёвских важняков, семейка. Союзом коноводить Горбачёва выбрали они – послушный, приглянулся он. Снизосёл на Мишаню закидон; по центру постоял на мавзолее – и закосил под Моисея: колоннами, походным строем, народ советский выводить стал из запоя; без карты вёл, без компаса – в коммунизм, по наводке Ленина-Маркса: «Ищи у-у-устье, где исто-о-оки, а запад – где-то на востоке».

Чтоб до вас домчало – не с конца начну, с начала.

По утраюне – с бодуна – просыпается страна. У народа – отходняк. Поправится? Верняк! Кто чем – пивком или поллитровичем; стонял – и нормалёк... Теперь прикиньте-ка: толпень подваливает за бухлом, а там – голяк, отовариться – непрохонже. Перестройка! Забодяжена уже.

Кирнуть, при горбачёвской власти, – не то что зэку, вольняшкам было за счастье. Прессовал – внаглянку, подянка за подянкой! – бормотушку упразднил, прикрыл шалманы... вилы! в магазинах что было: за водярой, за винищем – очереди; после обеда стали продаваться – прививали нам отвычку по утраюне похмеляться. Чем попало дерзали мы взбодриться! – аптеч-

ная микстура, парфюм, денатура... не залеживались на прилавках; тоже самое в продуктовых с шамовкой: враз сметалось – всё, что выставлялось!.. И от Бреста до Курил самосад народ курил – неделями в продаже нет ни папирос, ни сигарет... Зато повсюду – уйма лозунгов призывных; с плакатов – кумачовые понты: «Вперёд к победе коммунизма!»... Загнали если б нас туда – кранты... Э? Ништяк житуха! – ни в стельку, ни под мухой – сбывлась ленинская заморочка, коммунизм – настал, народ дошёл до точки: ни в бу-у-удни не бухает он, ни в пра-а-аздники – подшился, заделался в отказники. Э?

Повеселиться хочется, да что-то не хохочется. Ей-ей! Такое может – лишь приглючиться.

Заветы Ленина не в силках был народу навязать Горбач, с коммунизмом пролетел Ильич: кое-что недотумкал, воплощёнка не срослась с задумкой. Мы, бывшие совки, откипешили послабуху – право быть, когда угодно, пьяными. Важняки в Кремле прогнулись перед нами, россиянами! Продажа – круглосуточно. Чего только нет в вино-водочных! От трёхлитровой – до чекушки, от вискаря – до бормотушки. Ну такая красотища! Чем в Америке почище...

Заглянем-ка в прошедший век, где жи-и-ил советский человек... Короче, так: сачки вам в руки – и ловите глюки. Баю-баю, свет я вырубаю.

Эх, было времечко! Пять копеек стакан семечек...

Москва. Май, 1991 год. Малый Идейный тупик. Эпизод.

Тьма ночная. Ущербный месяц кажет из-за обрызгшей тучи малокровное личико, покрытое космическими лишаями. Креп небес в мерцающей звездной оспе. Над Москвой рубиновый маяк кремлёвской звезды. Окрест простираются необозримые столичные потёмки. Веерное отключение. Экономят электричество, из-за малого его количества. В полумраке размытый силуэт, Блатной Пегас – крадётся, таясь.

Блатной Пегас. (*озираясь, настороженно, как урке беглому и положено*). Улица. Безлюдье. Ночь... Грабить будут – некому помочь... Фраер вдалеке орёт... (*Надрывается: «Милии-и-иция!.. Помогии-и-ите!.. А-а-а!..»*) Бомжей парочка бредёт: пигалица – мозгляк и, не чета ему, здоровяк – кряжистый, будто из дуба топорами тёсанный – детина, ломом подпоясанный...

Черета безликих фонарей. Шаровидные плафоны возжигаются. Мертвящий голубоватый неон залил тупик светоносной хмурью.

По тротуару, вдоль фасада смурого домины, ползёт громадная вертикальная черепаха в замурзанных сине-белополосых штанах и в котурнах – электромонтёрских ботах на каучуковой платформе. Панцирем двуногой рептилии служит заурядная помывочная ванна; из-под укрывалища зримы ручищи, удерживающие чугун и, закатанные до локтей, рукава землистой рубахи в лущёный горошек.

Носитель чугуна обряжен, точно игрушками новогодняя ёлка, коробками и тряпичными узлами; за ручку приторочен обтёрханной вервью ёмкий фибровый чемодан. Под задним ободом ванны болтается цепочный хвостик с резиновой затычкой.

В полутора метрах от затычки плетётся двугорбый оборвашка, схожий одновременно и с долговязой Дюймовочкой на сносях, и с замухрышистым Квазимодо; эластичная водолазка, заправленная в рейтузы, сформировала отвислый бурдючок; в заплечном рюкзачке-кенгуру громоздится свинья-копилка в ажурном чепчике.

Двугорбый грызёт морковь, высвечивая фонариком тротуар.

Подобрав лежалый обкурок, побирушка пополняет им стеклянную поллитровую банку, обвязанную бечёвкой за горловину, болтающуюся на боку, и наклоняется вновь.

Добычей побирушки стал оладышек, глазированный грязью, и скомканная обёрточная фольга с ковыральной лопаточкой.

По-быстренькому обсосав пломбирную лопаточку, двугорбый разворачивает обёртку и слизывает каплющее, выказывая лакомую негу на плутовской моське.

Илюха Неврубон (*гулко грезит баском из-под акустической толщи*). Эх, шас бы шей похлебать – и на боковую, щёки мять. Печка, Машка, взбитая перина... Э-хе-хе...

Передний закраешек укрывалища приподнимается. Из-под чугуна выглядывает добродушная щетинистая ряшка – кудлатая головушка, носяра картошкой.

Васи...

Васька Подтёркин (*отдёрнувшись от недолизованного, распекает*). Чем в облаках витать – под ноги внимательнее смотри, дубина! (*Попрекает, крохоборно потрясая оладышком*.) Растоптал горбушку в лепёшку... от эскимо пропустил бумажку... (*Артистично всхлипывая, симулирует переутомление*.) Уй, уй, ломит как поясицу!.. наклоняйся, подбирай еду – корми его, иждивенца. Уй, уй, уй...

Илюха Неврубон (*сетует кротко*). С чево вдруг взвился-то, Васёк, в натуре? При деле ить и я, не дармоед! Пудов, поди, с десяток барахлишка своего велел сам на горбину мне взвалить... Уф!.. Еле волоку... Понагибайся-ка, попробывай, даже при моей мускулатуре... (*Испрашивает, раболепствуя*.) Передохнуть бы малость, слышь?.. Жду, жду, когды велишь... а ты, зараза, не велишь... А, Василёк? Привал когды? Километров, небось, хрен знает скоко отмахали – притомились оба...

Васька Подтёркин (*брюзжит*). «Оба, оба...» Сравнил!.. Желудочек со жменю у меня, а у тебя, бугай, утроба. (*Размахивая эскимо, плаксиво*.) Ну сколько обжирать меня можно!

Илюха Неврубон. Ты намекаешь на бамажку от мороженого?

Васька Подтёркин (*эгоистично пыхтя*). А на что же!

Илюха Неврубон. (*умиляется, сострадая*). Василёчек, успокойся – вылизывай, не бойся.

Васька Подтёркин. Всю?

Илюха Неврубон. Всю.

Васька Подтёркин. Всю-всю?

Илюха Неврубон. Всю, всю... И, ежели на то пошло, из общака варенье с крышек банок – тоже ешь; давай-давай – не робей, сладкоежка эдакий, – вылизывай, вылизывай...

Долизав недолизованное, Дюймовочка оттягивает нейлоновый ошейник водолазки и, порывшись в бурдоче, разрешается серым свёртком из паковочной бумаги.

Васька Подтёркин (*шуруя языком по закаточным жестянкам, признательно*). Ты настоящий корефан!.. С меня семечек стакан... когды стану магнатом...

Илюха Неврубон (*бережно сгружает чугун наземь*). Кем-кем?

Васька Подтёркин. Богатым-пребогатым!.. Если б жил не в СССР, был бы я миллиардер... Подожди, уеду в Штаты – грести деньгу буду лопатой.

Илюха Неврубон (*одобрительно*). Не сомневаюсь! Шустрый ты малец, выйдет из тебя купец... (*Заискивает*.) Да, Вась, не варит башка – надоумь? – может, и мне увлечься торговлишкой? Чево купить, чево продать – с выгодой чтоб торговать?

Васька Подтёркин (*наварениваясь, благодумствует*). Хоть чего! Будь пофигистом – купи за сто, продай за триста – станешь богаче Монте-Кристо.

Илюха Неврубон. Где ж, Васёк, мне стольник взять? Разве ж у тебя занять?.. Займёшь?

Васька Подтёркин. Так ты ж его, алкаш, пропьёшь! Держись меня, не пропадёшь. Чуть-чуть ещё поэксплуатирую – и расплачусь, отъезд в деревню финансирую... ты не беспокойся.

Илюха Неврубон (*прямодушно, явственно обеспокоенный*). Главное – не смойся... (*Грезит.*) Эх, щас в конюшню б, где кормят лошадей – овса пожевать иль отрубей... Э-хе-хе... Вся надежда на тебя – богатея-ка побыстрей... (*Хлобьщит ладоницей по лбу себя, встряской мозгов возвращая запаматованное.*) Да, Вась, башка дырявая – спросить забываю: корыто-то чугунное, какого лешего по всей Москве я, не врублюсь, таскаю? Ей-бо, лень волочь эту хренотень.

Васька Подтёркин (*зафитилив прочь вылизанную жесть, преобразается в деспота*). Имущество, гой, тебе доверено? Доверено! До упора нести велено? Велено!

Илюха Неврубон (*взворачивая корыто, сетует*). Э-хе-хе... Велено-то велено, дык пудов – немерено... (*Кручинится.*) Эх, кабала-неволя! Видать, такая моя доля – цельный день ни пить, ни лопать – топать-топать, топать-топать, то...

Двугорбый, тайно изыскав в бурдючке морковь, звучно вгрызается.

(*Высунувши из-под укрывалища голову.*) Ты чем там хрумкнул?.. Я подумывал уже, что чудиться мне с голодухи: как ни обернусь, он – раз! – и успевает быренько за пазуху чево-то спрятать. Всю дорогу, шельма, начеку!.. Чево за пазуху-то спрятал?.. Васька! Сознавайся-ка!.. Оглох?

Васька Подтёркин. Кто, я?

Илюха Неврубон (*запинаясь, досадует*). Н-н-ну не я же!

Васька Подтёркин. Я морковочку.

Илюха Неврубон. Морковочку?

Васька Подтёркин (*выявив из-за пазухи недогрызанное*). Морковочку.

Илюха Неврубон (*грезяще уминая обкусок, укорачивающийся в хрумкалке*). Вкусно, Василёчек? А?.. Небось, грызнешь когды, – во рте, зараза, так и тает...

Васька Подтёркин (*выявив дряблый каротель, не таясь хрупают*). Не-а... Хрум-хрум-хрум... Хрумкости не хватает. Хрум-хрум-хрум...

Илюха Неврубон. Дашь попробовать? Небось, не голодней чем я.

Придерживая корыто, оголодавший благоговейно, по-отцовски касается свободной ручищей дюймовочкиного бурдючка, на ощупь ревизуя запазушную кладовку.

Васька Подтёркин (*пересчитывающе ощупывая бурдючок*). Я бы, Илюша, угостил, да у меня у самого – всего... всего... всего – пред... пред... пред... пред... последняя. Хрум-хрум-хрум...

Илюха Неврубон (*огорошен, возроптал*). Н-н-ну ни хренашеньки залепуху выдал: «Пред, пред, пред!..» Ты кем себя при нашем общаке, Подтёркин, возомнил, бля? Кладовщик?! Товаровед?! Уговор какой был промеж нами? Жратву, какую мы отыщем, всю – в общак, а опосля – на пайки делим, в пополаме... (*Обозлился.*) Сам в торбу из помоек мне велел гнильё накладывать, тухлятину да требуху... а чем подкрепиться не брезгает – отымаёт, гнида, – и за пазуху. (*Взбеленился.*) Завладел, по существу, всем съестным нашим имуществом! Дошло уже и пайку мою, бля, законную зажал – не выдаёт... Гони морковку! Васька, ж-ж-жмот...

Васька Подтёркин. Фиг! Не обязан делиться – частная собственность, для продажи пригодится. Хрум-хрум-хрум... Да! И нечего на меня пялиться... Я из-за этой морковки жизнью рисковал в зоопарке. В клетке, из конуры когда, – рассвирепевшие, вылезли, – кролики кого чуть у кормушки не загрызли? Тебя?.. Меня!.. По кому дробинками промазал сторож из берданки? По тебе?.. По мне!.. А где был ты?.. В загоне с пони дрых в копне. Вот... Хрум-хрум-хрум...

Илюха Неврубон (*разобиженный, ропщет*). Ж-ж-жмот... Всё – себе! Не много ль чести? Вместе бедствуем мы? Вместе!.. Разве ж токмо я должен переть с дуру на рожон?.. Припомни! топали мы сквером, кто сцепился с буль... зверюга, как его, терьером? Гонялся кто за псом, в пасти с мослом?.. Опосля не ты ль варёной подкреплялся бультерьятинкой? Причмокивал, нахваливал, заморыш, – сравнивал с телятинкой... Поровну пса поделили? Поровну поделили!

Васька Подтёркин. Сравнил!.. Ты в зоопарке дрых, а я был в скверике при деле. Хрум-хрум-хрум...

Илюха Неврубон. Ага, при деле! Чем помог? Повис на ветке, вскарабкался на тополёк! А слез когды, мотня обоссана, – припомнить чево с перепугу соврал? Брехун...

Васька Подтёркин. И ничего я не соврал! Я, если честно, яйца птичьи в гнёздышках искал. Хрум-хрум-хрум...

Илюха Неврубон (*взъярился*). Да за кого ты меня держишь, бля?! Какие яйца в середине февраля!.. (*Могутно топает ботой, силясь припугнуть*.) Гони морковку, по-хорошему!.. Осерчаю – на хрен скарб твой сброшу. Навьючил пожитки на меня – узлы, коробки, чумодан... в довесок и корыто я, – не знамо лешего какого! – аж за тридевять земель, чугунное, тащи... а он плетётся позади – да знай себе хрумкает втихую, гнида, овощи... (*Сокрушается горемычно*.) Э-хе-хе... Ну что за жизнь, ядрёна корень! Ни кормлен цельный день, ни поен... (*Выклянчивает у хрупяющего*.) Совесть поимей, хозяин? На тебя ж я задарма, считай, батрачу – за корма... Всю, что ль, проглот, сожрать её собрался?

Васька Подтёркин. А тебе завидно? Хрум-хрум-хрум... Развыступался! – из-за малюсенькой морковочки...

Перед Подтёркиным возникает безбрежно разлившаяся лужа.

Уй, лужа здоровенная какая, бли-и-ин... а у меня дырявые ботиночки. (*Плаксиво, рисуясь, представляется маменькиным дитятей*.) Илюшечка, роднусечка, возьми меня на ручки? Хрум-хрум-хрум...

Илюха Неврубон (*форсируя мелководье, из-под корыта бухтит разобиженно*). Ага, на ручки! Раскатал губищу... Топай-топай... Уж больно ты, Подтёркин, хитрожопый.

Васька Подтёркин (*разрешившись из бурдючка гниловатым бананом, утыкает плод в водолазочную грудь, недоумевая натурально*). Я – хитрожопый?!

Илюха Неврубон. Н-н-ну не я же!

Васька Подтёркин. Ну ты, Илюха, и свинья же... (*зафитилив кожуру, насыщаясь безвучной мякотью*) в таком случае.

Илюха Неврубон. Гнида!.. Полгода на него батрачу – стараюсь, лезу вон из кожи... а до делёжки как доходит, так всегда одно и то же: себе – барыш, мне – с маком шиш... Уже и куркулятором обзавёлся... куркулёныш!.. Заграбастал всю жратву, что повкусней... Ты чево, Подтёркин, возомнил себя всех-всех умней?

Васька Подтёркин. А что – нет?

Илюха Неврубон. А что – да?!

Показушно буюня, Неврубон низвергает с хребтины треклятое корыто, гулко громыхнувшееся оземь, и оседлывает чугун, бойкотируя веленное.

Васька Подтёркин (*огибая хлябь по бордюрной кромке, наставнически вразумляет саботажника*). Я, запомни, выкручусь всегда. А вот тебе, Неврубон, кроме кладбища, – деваться некуда. С голоду опухнешь – и под забором сдохнешь. Вот... (*Распекает, наседая*.) Кто из нас, когда мы встретились, просил – чтоб побыстрее я деньжат поднакопил? Ты?.. Ты!..

На коленях ползал, гой, – канючил до хрипоты: «Деревенька, деревенька!.. Вызволяй! Деньжат маленько...» (*Уступчиво.*) Чтоб смог тебе я денег дать, чуть-чуть придётся подождать.

Илюха Неврубон (*горемычно, с бурлацким надрывом в голосовых связках*). Да скоко ж можно дожидаться! Невмоготу в Москве мне оставаться! Восвояси б из неё убраться!.. Кто б помог, куды податься?.. В ментовку, что ль, на милость сдаться?

Васька Подтёркин. Без паспорта?.. Без денег?.. (*Аплодирует поощрительно.*) Давай-давай, иди-иди! Дубинками отмудохают менты – и в обезьянник. К мартышкам посадят в клетку, и будешь там прыгать с ветки на ветку... пока не спустят шкуру! (*Кошмарит, нагоняя жути.*) Натравят Генпрокуратуру, заведут «Дело», и дело кончится – расстрелом. (*Взявшись за воображаемое цевьё, прижимает к плечу предполагаемый приклад, целится в приговорённого.*) Прицелятся – и из винтовки... (*Правдоподобно отдёргнувшись, имитирует отдачу от выстрела.*) Ба-бах!.. И кремируют – в печке, там же, в ментовке... (*Кулачком бестрепетно колошматя Неврубона по воловьей лбине.*) Полгода ведь втемяшиваю это в твою бестолковку!.. (*Напирает безбоязненно.*) Неужели не доходит?.. Вот бестолочь... Запомни: имущество моё дальше не потащишь, самому же хуже будет. Кроме меня – не на кого надеяться тебе, чтоб ты знал... (*С деланным безразличием.*) Ну что, сдаваться в ментовку пойдешь?

Илюха Неврубон (*пригорюнился, зарекается опасливо*). Не-е-е... Без паспорта суваться туды боязно. Уж лучше окочурюсь под забором – чем в обезьянник, к живодёрам... (*Кручинится.*) Эх, вернуться б в деревеньку – на балалаечке потренькать... (*Горемычно.*) Ежели забогатеешь, наш уговор не позабудешь? Когды деньжищ нагребёшь, мне маленько отщипнёшь?.. Мне много-то не надо. За труды, в награду, билет на поезд, Василёк, купи – плацкарту, – хлебушка, картошки, ну и, ежели уважишь, поллитровку на дорожку. (*Разуверившийся до безнадёги.*) Купишь? А, Василёчек? Не обманешь?

Васька Подтёркин (*покладисто*). Как только накоплю, так сразу куплю... (*Отчихвотивает, дожмая бесстрашно.*) Я носильщиком для чего тебя нанимал? Чтобы помогал сколачивать первоначальный капитал... А ты ко мне со своей деревенькой пристал!.. Каждый день, с утра до ночи: «Плацкарта, поллитровка, плацкарта, поллитровка...» – канючит и канючит, канючит и канючит... Хоть раз ещё о деревеньке заикнешься, фиг вообще туда вернёшься. Пендаль, вместо плацкарты, схлопочешь – и катись, куда хочешь. Прогоню! Усёк?

Илюха Неврубон (*тушуетя, оробел*). Ты это... не тово, Васёк... (*Вскочив с корыта, заполошно охлопывает карманы, роется в торбе, выискивая.*) Вчерась, копаясь в свалочке, я петушка нашёл на палочке – аппетитнейший, зараза, леденец. Приберечь хотел гостинец – к дню рождения тебе – чайл, попозже подарю. Да не на шутку осерчал, видать, ты на меня, неугомонного, – дай, думаю, задобрю... (*Развернув затрапезную тряпицу, подобострастно подносит работодателю сахаристую сосульку, убагывая.*) Угощайся, плиз.

Васька Подтёркин (*обомлел*). Пе-ту-шок... Вот это да-а-а... Вот это кукарекнул для меня сюрпри-и-из... (*Приняв подношение, укоризненно журит.*) Что ж ты раньше-то молчал?.. Илюха! Человечище моё родное! Дурья ты башка!.. Да я... да мне... да для тебя – за петушка... (*Мусля сладость, корит приторно.*) Какая поллитра! Какая плацкарта! О чём между нами, кентами, базар-то?.. (*Импровизирует вдохновенно.*) Раскручусь как только, стану побогаче, – выставлю: рюкзак поддачи... закусона – гору! – пачку ствольничков потрачу... выкуплю купе – четыре места, – лично! до перрона провожу – с цветком и духовым оркестром. Ка-а-ак грянут трубы – и приступишь к пьянке, под «Прощание славянки»!

Илюха Неврубон (*осчастливленный посулами*). Во уважишь! Не, взаправду, Василёчек, – под музычку?!

Васька Подтёркин (*рассеянно, всецело поглощённый вылизыванием*). Под музычку, под музычку.

Работодатель, потерявший всяческий интерес к теме дорогостоящего отъезда батрака в деревню, плетётся к урне на углу домины.

Стимулированный посулами, батрак ошастливленно взваливает чугуна на горбину и тяжелоатлетической трупсой нагоняет расщедрившегося.

Илюха Неврубон (*грезит, смакуя посулы*). Ух, аж мурашки по хребту! Бля, под музычку... (*Спыхватывается, упомнив*.) Да, Вась, чуть было бы не позабыл... ишо б мне табачку, уважишь ежели, и свечки. (*Угодничает*.) На тебя вся у меня надёжа. Ты не робей, будь со мной пострее: ежели тяжёлое чего-нибудь найдёшь, вели – расстараюсь, подыму с земли.

Осветив фонариком урну, Подтёркин заглядывает любознательно в бетонное жерло и, звучно дробя зубками сахаристого петушка, сбрасывает в прииск деревянную косточку.

Васька Подтёркин (*подняв у урны кирпич, покрывавший салфетки*). Посмотри-ка – что там, под бумажкой? Пирожок?.. или какашка?

Илюха Неврубон (*поддев ботой лепёшку*). Кажись, какашка.

Васька Подтёркин (*брюзжит, распекая нерадивого*). «Кажись, кажись...» Баран, блин, твердолобый... (*Повелевает*.) Подбери, на вкус попробуй!

Неврубон, потакая деспоту, тотчас сгружает корыто, надкусывает лепёшку и вдумчиво дегустирует её, от жевка к жевку всё более и более омрачаясь.

(*Гадливо, кривясь*.) Ну как?.. Какашка?

Илюха Неврубон (*сплюнув кашицу, брезгает*). Тьфу!.. Все ж таки, кажись, какашка. Тьфу, тьфу...

Васька Подтёркин. «Кажись, кажись...» На всякий случай – в торбу положи, до кучи. На чердак к котлу вернёмся, разогреем – разберёмся.

Илюха Неврубон (*грезит, пополнив лепёшкой торбу*). Эх, возвернуться б в деревеньку – на балалаечке потретькать... (*Упомнив, спыхватывается*.) Не, то успеется. Первым делом – к Машке клеиться... (*Упомнив, спыхватывается вновь*.) Не, и Машка опосля – свербит об выпивке мысля. Щас бы первача бидон да посытнее закусон...

Близится бархатный рокот мотора. Из-за пологого поворота, извозюкав неоновый тупик конусным пуком перспективно лучащихся фар, величаво выруливает чиновничья «Волга», кичась официальной надкрышной мигалкою.

Васька Подтёркин. Тише!.. Машина... Слышал?

Илюха Неврубон. Слышал.

Васька Подтёркин (*заглядывает за угол*). Гой какой-то из «Волжаны» вышел.

Пассажир покинул салон. Ахнула дверца кабины, захлопнутая принудительно. Фыркнувшая «Волга» отъезжает. Презрительный шелест шин отторгает пешехода. Фары меркнут.

Илюха Неврубон (*заполосно охлопывая себя*). Где?

Васька Подтёркин. За углом... (*Распоряжается*.) Неврубон, распутывай лом.

Илюха Неврубон. На хрена?

Васька Подтёркин. Сзади подойдём, ломом припугнём – и кошелёк отберём... *(Бездействиющему, подстрекая.)* Распутывай, Илюха! Ну что стоит тебе? Давай с ломиком к нему? – для смеха.

Илюха Неврубон *(взбунтовался, добряк).* Сдурел, гадёныш?! Корчишь из себя артиста, комика! Неповинного человека, смеха ради, ломиком...

Васька Подтёркин. Тише!..

Двугорбый, придерживая бережно банку, прилёт на бурдючок, по-шпионски заглядывает в амбразуру, образованную углом и урной.

Тупиковый пейзаж полон обновленческими признаками дорожных работ: зашкурен от асфальтовой коросты, перекрыт гладильным катком и щебёночными барханами.

Подъехавший пешим порядком огибает барханы, скоро доходит до близкого здания наискосок от угла и останавливается под светодиодной вывеской «ВИНО-ВОДОЧНЫЙ БАКАЛЕЯ».

Витрина разнесена вдрызг, пробоина наглухо заколочена фанерными щитами.

Ночной прохожий, застыв в позе изваяния, обозревает подтечную надпись: «ЗАКРЫТО РЕМОНТ», намалёванную масляной кистью на щитах размашистым молярным почерком.

Подтёркин наострил лопушистые уши.

От витрины долетают ругательские словосочетания «ч-ч-чёрт» и «пр-р-роклятье», преисполненные прочувствованной досады.

К нам идёт... Заметит – драпанёт... *(Простудно шмыгая заложенной носопырккой.)* Одет, обут – во всём приличном... и пахнет чем-то заграничным...

Из-за угла браво вышагивает породистый, пухлощёкий толстяк с патрицианским, не лишённым благородной римской привлекательности, профилем.

Экипирован новоприбывший в подветренно распахнутый плащ болонья шоколадной палитры, безупречно отутюженный габардиновый костюм, неброскую шляпу фасона бридэ с слегка загнутыми полями, обшитую по кайме шелковичной лентой, и в камбаловатый галстук.

Горделивая надкресельная осанка и презентабельного лоска бюрократический портфель выдают в субъекте тёртого калача кабинетной закваски.

(Лёжа, внезапно.) Эй, мужик! Который час, подскажи?

На фоне надрывных воплей окрест: «Мили-и-иция!.. Помоги-и-ите!.. Гра-а-абят!.. А-а-а!..» поведенческая реакция субъекта адекватна. При виде коварно подкарауливающего Атланта, который, удобя ванну, вздымает чугун, вот-вот готовый обрушиться ему на шляпу, ошарашенно вскрикивает, пятится и, споткнувшись о тротуарный бордюр, бацается навзничь на газон.

Шляпа, покинувшая владельца, шустренько откатывается.

(Восторженно, в синхронной последовательности откомментировавший инцидент.) Ой, Неврубон, перепугался как он!.. Пятится!.. Спотыкается!.. Падает... встаёт... ползти пытается!.. Физзарядкой занимается?

Нахлобучив поверх макушечной вязаной ермолки провальную фетровую шляпу, двугорбый, с кирпичом наотмашь, бравируя преступностью умысла, – вприпрыжку к гою за кошельком.

Субъект некомфортно возлежит на животе, судорожно возится с портфельными застёжками, катает колёсики кодовых замочков; распечатав сейфоватое кожаное хранилище, извлекает громоздкую бакелитовую кобуру-приклад, из неё, воплощённого в изделие, воронёного однофамильца Стечкина.

Генерал Наднамный (*грозно, целясь в комментатора*). Руки вверх! Стоять, не шевелиться!.. Буду стрелять! Милиция!

Васька Подтёркин (*яичной наседкой присев на выроненный кирпич*). Ой, Илюша, кому это? Касается тебя, по-моему? Слышал?

Илюха Неврубон. Кажись, Василий, велено обоим...

Васька Подтёркин (*ёрзая на кирпиче с капитуляцки воздетыми загребушками*). А я-то, не пойму, к чему ему?.. Товарищ, правильно мной понято распоряжение? Я продолжать могу дальнейшее передвижение?

Генерал Наднамный (*взвинчено пресекает*). Не смей!.. Прыжок, шажок, малейшее телодвижение – и открываю я огонь... на поражение.

Васька Подтёркин. На поражение?! В каком же мы, по-твоему, замешаны составе преступления? Мы просто подошли, а ты...

Генерал Наднамный. Не «по-до-шли», а совершили нападение! – на пешехода, с целью ограбления... (*Восставая с газона*.) О-бна-глели! Нападать – из-за угла – на генерала, сотрудника милиции...

Васька Подтёркин. Генерала?!

Илюха Неврубон. Милиции...

Васька Подтёркин (*дерзит, напирая отважно*). Не ври! Где форма, где амуниция?

Генерал Наднамный. Мал-чать! Не смей со мной, мерзавец, фамильярничать!.. (*Официально строго*.) Чего шляетесь, куда и зачем направляетесь?

Васька Подтёркин (*присмиривший*). В Мытищи...

Илюха Неврубон. ...подножную кормёжку ищем... А ты?

Васька Подтёркин. В чём, явленья нам, причина – высокого такого чина?

Генерал Наднамный. Мал-чать!.. Я – задавать, вы – отвечать. (*Нерубону, неприязненно*.) Вещи чьи, краденые?

Илюха Неврубон. Его.

Васька Подтёркин. Мои... Не краденые, на свалке загородной найденные.

Генерал Наднамный (*крайне неприязненно*). Ванну с какой целью на себя взвалил?

Илюха Неврубон (*вздурчиво ярится, удерживая корыто над тугодумкой*). А я откуда знаю, Подтёркин велел!

Генерал Наднамный (*работодателю*). Твоя?

Васька Подтёркин. Моя... Сам не могу же её я... а Неврубону ничего не стоит... Мало ли, вдруг погромщики? Накроет... (*Всхлипывая и имыгая, артистично бьёт на жалость, шельма*.) По-другому – как? Деваться бедному биробиджанцу куда?.. Некуда!.. Нет у меня, товарищ генерал, другого выхода... В стране когда – пропали выпивка, еда... из кранов выпита вода... кто виноват во всём всегда? Или они – американцы, или мы – биробиджанцы. (*Потупя пронырливые гляделки, предрекает прозорливо*.) Гои наверняка учинят погром...

Генерал Наднамный (*поражён несказанно*). В Советском Союзе?! – погром??!

Неврубон, уразумев из интонации сведущего, что мыкался с повымочным корытом понапрасну, изрыгает: «Бля!» – и, в приступе гневливого силачества, шваркает постылый чугун оземь.

Монолит с погребальным грохотом раскалывается на крупногабаритные скорлупки.

Илюха Неврубон. Дур-дом!..

Генерал Наднамный. Ч-ч-чёрт... (*Подтёркину.*) Паспорт!

Васька Подтёркин (*отлип от кирпича, копошится в бурдючке; разрешившись близняшками в идентичных гербастых обложках*). Загран?.. или общегражданский?

Генерал Наднамный. Оба! (*Сорвав с комментатора шляпу, изымает паспорта.*) Прописка столичная?

Васька Подтёркин. Ага, биробиджанская.

Генерал Наднамный (*бегло просматривая странички*). Цель приезда?

Васька Подтёркин. Проездом... (*Мямлит верноподданнически.*) Благодаря о нас, биробиджанцах, партии коммунистической... заботе... и советского правительства...

Генерал Наднамный. (*раздражён*). Суть!

Васька Подтёркин. Слечь в Израиль хочу, на постоянное местожительство.

Генерал Наднамный (*реквизируя паспорта в пиджак, Неврубону*). Твой?

Илюха Неврубон (*горемычно сокрушается*). Потерял... Хоть волком вой!.. Оставаться-то в Москве мне не с руки – заждались, небось, в колхозе мужики: послан деревенской сходкой ходок в Москву за водкой. В беду в столице, бля, попал – паспорт, кошелек по пьянке потерял... Вот такие пироги, товарищ генерал. Э-хе-хе...

Генерал Наднамный. Ч-ч-чёрт, ш-ш-шантрапа!.. Веди теперь, сдавай их в отделение... А-ну, подальше отошли! (*Веерно обмахиваясь шляпой.*) Ой, не могу – стошнит... Допрашивай их, нюхай мочевыделения... Грязнющие, всклокоченные, потные!.. Не люди, а какие-то... какие-то... ж-ж-животные...

Безрадостно переглянувшись, зловонные дистанцируются от запашистого на карантинный рубеж, подобающий незавидному статусу отверженных.

Илюха Неврубон (*удручён*). За что же меня в каталажку? За какую-то бамажку? Кажись, ни грабил никого, ни крал. Ты, бля, товарищ генерал...

Генерал Наднамный (*вспылл, задетый амикошонством*). Па-пра-шу не тыкать и не блякать!

Илюха Неврубон (*разведя немошно ручищами*). Как же мне тогда калякать?

Генерал Наднамный (*поражён скудоумием, послабляет*). Ну надо ж быть таким балдой... Тыкай, блякай – ч-ч-чёрт с тобой!.. (*Официальным тоном осведомляется.*) Что делаешь в столице, где, по закону, – права не имеешь находиться? Суть!

Илюха Неврубон. Чево?

Генерал Наднамный (*заткнув «стечкина» за пояс*). Как, спрашиваю, встал ты на преступный путь! (*Обнарудует из пиджака авторучку и блокнот.*)

Илюха Неврубон (*уразумел, смыслёно кивает тугодумкой*). А-а-а, про это... В ту пору не зима была, а лето. Испил я ребячёнком ковшик браги – и отнялись у меня ноги. Фельдшера – болячку, от которой занедужил я, – нашли: не в то горло градусы пошли. Пролежал пластом я тридцать лет на печке – самогонку пил, при свечке. Лежу – не тужу, в потолок себе гляжу: под головой фуфаечка, в руках балалаечка...

Генерал Наднамный (*внеся некую конспективную пометку в блокнот*). Меня не интересует, какие ты, разнообразя свой досуг, использовал музыкальные инструменты. Лаконичней отвечай!

Илюха Неврубон. Чево?

Генерал Наднамный. Кратко!

Васька Подтёркин (*дублирует подхалимским эхом, счищая зубной щёткой газонное сено с плаща гоя*). Кр-р-ратко!

Илюха Неврубон (*возразительно мотает тугодумкой, упрямясь*). Не, запутаюсь я кратко, мне сподручней по порядку... (*Бьет с несуетной мужицкой основательностью*.) Калек, каким был я, – лечи не перелечишь в нашей деревеньке: кто – пластом, кто – ползает на четвереньках; народу некогда пахать – то надо пить, то просыхать... Допил я, помнится, к полудню самогон – и поджидаю тетю Нюру, маюшь: не несёт полный бидон. «Куды ж она запропастилась?» – Не иначе, кумекаю, беда какая-то случилось...» И – точно. Вдруг – грохот, пыль! – коровник завалился, шлакоблочный: обветшала крыша... Минут с пяток прошло – и гвалт я во дворе слышал... (*Приблизясь к писцу, регулярно вносящему пометки, тычет палочной сарделькою в книжицу*.) Не, не так – спервоначалу-то затыкала соба-а-ачка, а опосля-я-я уж – и они в избу вползают, на карачках: члены правления, пьянчуги... и председатель с ними наш... товарищ Синюгин. Все – в настроении плохом. И меня – как обухом: «Беда, Илюха! С самогонкой на деревне нынче глухо. Участковый, гад ползучий, всех самогонщиков прижучил!» По указке из райцентра, мол; запроваляют там партийные и комсомол... Секретарь райкома – Стёпка Дурачинов – со всесоюзным выступил, стервец, почином: деревню нашу, знатным первачом кормящую, считай что все окрестности, назначил... как её, заразу... (*хлобьщит припоминающе ладоницей по лбу себя*) бля, башка дырявая – название позабыл... ну, где солдатики с ружьишками злодеев стерегут?

Генерал Наднамный (*прервав стенографирование, – лояльно, явно заинтригован притчей*). Зоной трезвости?

Илюха Неврубон. Во! Зона трезвости... Похлеще Стёпки ишо, дескать, учудил Горбач: отменил водку по области. Днём с огнём не сыщешь в магазинах поллитровку! Кого-то надо бы, галдят, в Москву, в командировку: «Созвали мы, члены правления, сходку в сельсовет, Илья, – общеколхозное собрание, – дабы выбрать ходока, поздоровее мужика». Без тебя, галдят, никак – пропадем! Так и так: «Обсудив, сравня с твоей, свои мускулатуры, – утвердили мы твою, Илья, кандидатуру. Хватай рюкзак, езжай в столицу – привезёшь опохмелиться... А не встанешь с печи – извиняй, на себя ты, Илюха, пеняй: быть тверёзым тебе – до второго потопа...» С перепугу я вскочи-и-ил – и потопал... (*Спохватывается, тыча палочной сарделькою в книжицу*.) Да, чуть не позабыл про главное: погодка-то стояла сла-а-авная... Ну и, вестимо, скинулись – деньжатами снабдили... До околицы, кто потверёзее, насилу проводили: «Доведи тебя, Илья, до вокзала колея...» Упрятал я кошель за пазуху – и в путь-дорожку, ломик прихватив вместо посоха... По сугробищам неезженным, нехоженным – в райцентр, откуда лестница чугунная к Москве проложена, – цельный день ни пил, ни лопал! – топал-топал, топал-топал, топа...

Генерал Наднамный (*строчить перестав, прерывает благорасположено*). Достаточно, достаточно, Илья. Факт налицо – в столицу ты попал. Ограничься, живописуя злоключения свои, мегаполисом. Вкратце. Ну-с?

Илюха Неврубон (*супротивничает, норовисто маша ручищами*). Куды там! Бурелом! Проскочи, попробывай, мигом по лесу... Шутка ли? – километров с полста небось... Это опосля уж скорость набрал, – когда поездом... (*Изливает душу, доподлинно истомившийся по участливости*.) Жил-то типа на цепи барбоса, дальше будки не высывывая носа... а тут, бля, – избы на колёсах! – чудеса-а-а... Билет купил, проводник во внутрь впустил – и поехали-помчались, аж вагоны закачались... Забросил я под лавку вещи и дрыхнуть лёг – чтоб сон зрить, вещей. Приснилось – то, что загадал: хорошенечко поддал; затарился водярой я, – в колхоз родимый приезжаю... – обра-а-адовались мне поболее, чем огромному урожаю... Проснулся я – с боку на бок ворочаюсь, заснуть-то уж не могу...

Генерал Наднамный (*изнывающий, захлопнув блокнот*). Суть, суть! Короче!

Васька Подтёркин (*подхалимским эхом, счищая зубной щёткой газонное сено с брюк голя*). Кор-р-роче!

Илюха Неврубон. Короче, охота выпить – нету мочи... Приехал поезд на вокзал, а там уж – во не ожидал! – меня, как дорогого гостя, Москва встречает: честь по чести; на перроне – трое в кепках... видать, подвыпившие крепко... Выхожу я из вагона, – и подносят мне с поклоном – хлеб-соль на полотенчике, и двести грамм в стаканчике: «Мы тебя, брателло, срисовали»; дескать, выпить не дурак мужик – подвалим: «Что за чудо-юдо! Кто, куды ты и откуда?..» За ко мне их доброту, я им всё начистоту... Опосля зашли в кафешку, почаёвничать малешко. Тот, который попьаннее, поманил к столу халдея: «Нам чайку, графинчик, и попроще – закусончик». Я не врубился поначалу: «Об чём трут они мочалом?..» Тот ему про чай толкует, а тот упёрся – ни в какую: «В графине? Водку?!. Что ты, что ты! Засекут – попрут с работы. У нас водку и вино распивать запрещено». Тут меня пихают в бок: «Покаж халдею кошелёк». Я деньжищи показал, халдей губищи облизал – и мне, как барину, сказал: «В графине-с не могу-с подать – через стёклышко-с видать». – «Ты, – ему я, – слышь-ка, паря, сам смекай в какой нам таре. Угостить народ хочу я! Ты – неси. За всех плачу я!..» Шасть куды-то он, – приносит – по-городскому, на подносе: самовар, четыре кружки и каждому по печенюшке... Стали мы чаёвничать... Чево уж там, не буду скромничать, – по части выпивки я, знаешь ли, мужик бывалый... но отродясь водяру не хлестал из самовара: совладал – кое-как!.. А по порядку было так: заказал я, расплатился, усугубил – и отрубился... Очухался в подъезде где-то... Задубе-е-ел!.. – зима ж, не лето – без дохи, укрыт газетой... валенок и шапки нету... в носу торчат две сигареты – с белым фильтром, дорогих... сроду не курил таких!.. (*Кручинится, хлебнувший лиха в мытарствах.*) Явлюсь – ума не приложу я, – чего в правлении скажу я? С полгода уж, считай, в Москве бомжую... Особливо перед председателем, товарищем Синюгиным, неловко. Такая вышла у меня командировка: паспорт, кошелёк по пьянке потерял; угораздило – застрял. Не врублюсь – как извернуться, чтоб в деревеньку возвратиться. Э-хе-хе...

Генерал Наднамный (*с покровительственной насмешливостью*). Экий, братец, ты тупица...

Васька Подтёркин (*подхалимским эхом подпевает в унисон*). Тупица!

Генерал Наднамный. За помощью следовало в милицию обратиться.

Васька Подтёркин. В милицию!

Генерал Наднамный. На то мы и милиция.

Васька Подтёркин. Милиция.

Генерал Наднамный. Помощь гражданам – наша компетенция.

Васька Подтёркин. Компетенция.

Генерал Наднамный (*взыскательным взором приструнив подпевалу*). Я, как только в Главк вернусь, твоей проблемой займусь. Связь установим с сельсоветом, телефонируем приемы... и если правда, ты приезжай, – из-за паспорта потерянного, застрявший здесь, в Москве, непреднамеренно, – будешь выдворен по месту проживания... на законных основаниях. (*Снисходительно.*) Чудак! За что же заключать тебя под стражу?

Васька Подтёркин (*эхом*). Чудак! За что нас под стражу?

Илюха Неврубон (*воспрянул*). Во спасибочки, – уважил!

Генерал Наднамный (*вскользь милостиво взглянув на двугорбого, драящего зубной щёткой туплю*). Люди должны помогать друг другу... Не мог бы и ты отказать мне услугу?

Илюха Неврубон (*сграбастав две чугунные скорлупы, рьяно сотрясает над тугодумкой их*). Расстараясь, помогу! Без разницы – что хошь и хошь куды могу!..

Генерал Наднамный. Нет-нет, – нести не придется, Илья, тебе какие-либо тяжести... Э-э-э... Краток буду. Проблема у меня иного рода... Тороплюсь – в гастроном, по служебным делам... (*смуцённо откашливается в кулак*) кхэ-кхэ... за бутылкой водки. Припоздился, увы. Заблаговременно следовало бы занять очередь – за сутки... не менее: давка у вино-водочных, столпотворение; проблематично добраться до кассы – эксцессы: до мордобоя доходит, до мата. А это, чёрт возьми, чревато – (*произвольно переключается с присущей лексики на*

простонародный говорок) намять... хэ-хэ... могут бока, к прилавку протолкнусь пока... (*Продолжает в привычном лексическом диапазоне.*) Гигантское скопление народа не исключает и летального исхода... Здравомыслив, я... э-э-э... право не имею рисковать – семья. Что если ты, вместо меня, Илья?... (*Комплементарно.*) Человек с такими данными физическими неуязвим практически... (*Искательно.*) А? Купим поллитру – и в Главк, обратно. Вместе. Договорились? Функция твоя понятна?

Илюха Неврубон (*скребёт в затылке, теряясь в догадках*). Уж больно ты загнул мудро – точь-в-точь как бабушка Матрёна; чево-то там бормочет по ночам, не врубишься без толмача. Мы её, бывало, бражкой накормим...

Генерал Наднамный (*уязвлённый бестактной побасёнкой, удобоваримо трактует заумность, педалируя*). Поясняю... в доходчивой форме... Так как, судя по всему, ты не являешься грабителем, предлагаю тебе стать моим телохранителем.

Илюха Неврубон (*врубился, радёхонек*). Ежели оборонить, то я, касательно... Не сумевайся!

Генерал Наднамный. Вот и замечательно.

Васька Подтёркин (*пресмыкающийся с зубной щёткой у туфлей голя*). А я?... Со мной что?... Я же... Ты же... Заступись, Илюха! Мы же...

Илюха Неврубон (*ненатурально радушно*). Василий, подойди поближе?

Васька Подтёркин (*раскусил подвох, насторожился*). Зачем это?... Смысла не вижу...

Илюха Неврубон. Щелбан схлопочешь, гнида! Прочу мироеда!

Батрак ринулся к работодателю.

Уклоняясь от возмездия, гнида вёртко оббегает остолбеневшего, прижимаясь вплотную к генеральскому корпусу.

Двуногий першерон, страшась зашибить благодетеля мотающимися кистенями коробок, нарезает круги поодаль, нещадно утрамбовывая ботами пузенистый портфель, покоящийся плашмя на газоне.

Приз забега – щелбан – гнида избежала. Подъярёмный рвёт остервенело верёвочную сбрую, опутывающую его от холки до крупа, высвобождаясь от навьюченной поклажи.

(*Гниде, осерчавший, разобижено.*) Как какого-то дурака – полгода, бля, держал за батрака! Кто сдаваться в ментовку запрещал?! что менты там отмудохают страшал: «В обезьяннике с людей спускают шкуры! – перед тем как расстрелять». Ж-ж-живодёры... (*Сокрушаясь, благодетелю.*) Когда разбогатеет гнида эта ждал!..

Васька Подтёркин (*голосом, звенящим от запредельной искренности*). Не ври! Он врёт! Я этого не утверждал!

Генерал Наднамный (*цепко ухватив за ухо упоенно пыхтящего очернителя, вцепившегося в спасительные генеральские одежды, отлучает от них*). Так-так... Значит, к милиции относимся с предубеждением?... Не пора ли гражданину в исправительно-трудовое учреждение?... В Москве понятно, как ты оказался. Вопрос вопросов – почему же не уехал, а остался?... (*Чеканно, по-чекистки.*) С какой целью в столице осел? Вынашиваешь какой преступный замысел?... Ну-с?... Отвечай на вопрос!

Васька Подтёркин (*навзрыд*). И отвечу! Мне скрывать нечего! Да, к ним, евреям, слинять хочу поскорее! Они будут рады... С вами жить! Мне это надо?... Вместо земли обетованной, – от гоев прячься здесь, под ванной...

Генерал Наднамный (*уличает пронизательно*). Так-так... Выдаём себя за отказника? К правозащитникам взываем: «Господа! Услышьте из застенков голос узника»?... Мерззавец... Некогда выяснять что ты за птица, препроводить в отделение придётся. Следовательно разберётся.

Васька Подтёркин. Разберётся?

Генерал Наднамный. Уверю.

Илюха Неврубон. (*Подтёркину – рад-радёшенек*). Ишо и по загровку накостыляет! А опосля – расстреляют. (*Генералу, потешаясь.*) Он, гнида, милиционера – всмятку, по чайнику...

Генерал Наднамный (*быстро утвердив стопу на смертоносном кирпиче, лежащем на доступном расстоянии от гниды, угрожающе поигрывая «стечкиным»*). Так-так...

Васька Подтёркин. Я нечаянно!.. Рассказать кратко или по порядку?

Генерал Наднамный. Суть!.. В глаза, в глаза, в глаза смотреть!.. (*Выкручивая ушной хрящ, принуждает потупившегося строптивца запрокинуть моську.*) Ну-с?..

Васька Подтёркин. К родичам приехал я, в гости, – продавать квартиру их, кооперативную, по доверенности... Шурин, Хаим, с Ленкой, сеструхой, ключи оставили – и улетели... в Израиле. Отсоветовал им я – срочно чтобы продавали. Стопроцентно б прогадали! Цены на недвижимость растут? Растут. Вот... Жилплощадь дорожает, капитал приумножает. И я осел в столице, не уезжаю. К чему торопиться? Успею воссоединиться – хоть в Штатах, хоть в Европе поселиться. Вот... А перед отъездом, предупредила Ленка, – опер, Рыжий, живёт за стенкой... из МУРа – мордворот... Ой, неудачно выразился... физически – очень сильный человек. Вот... В тот день соображалку иногда я из окна высовывал – на подоконнике сидел, на тротуар поплёвывал. Настроение – паршивое. Прохожие внизу шныряют – лохматые, прилизанные, плешивые... Присматриваюсь к ним, гадаю: «Кто из них, мерз-з-завцев, чаще остальных законы не соблюдает?..» Неизвестно?.. Неизвестно... Выявить его мне захотелось... если честно... Пошёл из спальни на кухню я, и взял из холодильника три яйца, тухлые; ток отключили – в пекло, в жару... ну, я и подумал: «Не пропадать же добру. Бог, если есть, виноватого – накажет; любопытно: попадёт?.. или промажет?..» Подкинул, высунулся – вижу: он из подъезда вышел, Рыжий. «Шмяк, шмяк, шмяк!»: одно – о плешку... он голову задрал, второе – в рыжку... а третье... снятая была, в руке держал, – в фуражку. Вот... Я не специально ведь.

Генерал Наднамный. Мерз-з-завец... Продолжай.

Васька Подтёркин. В глаза смотреть?

Генерал Наднамный. Смотреть!

Васька Подтёркин (*образцово запрокинув моську*). Чмокнул я свинью-копилку и лёг читать журнал «Мурзилку»... Вдруг – «дзиньк...» – звонок... Я дверь не отпер. Зырк в глазок... да так и обмер! Дворник там... с метлой, и опер... Закурили... пошептались... назвонились! наорались!.. поломались, потоптались, докурили – и смотались... «Куда?.. Зачем?..» – Я понял сразу: «За подмогой, за спецназом!.. Эти – с лёгту заметут...» И я в бега... Вот.

Генерал Наднамный (*процувствованно*). Мерз-з-завец... Да тебя нужно под суд! Пока милиция порядок навести в стране стремится...

Васька Подтёркин (*упреждает незавершённую мысль, трактуя сугубо прагматично*). ...может, нам договориться?.. Отпустил бы ты меня, гражданин начальник? А я тебе за это – стольник.

Рюкзачок снят. Распеленав свинью-копилку, биробиджанец интенсивно встряхивает мошну, соблазняя власть имущего медно-никелевыми нутром, прельстительно бренчащим в фаянсовом чреве.

Генерал Наднамный (*бессребренически негодует*). Ты что же, – предлагаешь взятку блюстителю правопорядка?! Р-р-распоясался, мерз-з-завец... (*Испытующе.*) Комсомолец?

Васька Подтёркин (*звонко*). Комсомолец!

Генерал Наднамный. Ну что же, – отпущу... кхэ-кхэ... предположим... и паспорта верну... загладишь если ты свою вину... Прощение, Василий, нужно заслужить. Кое-что наме-

рен предложить... Так как, судя по всему, ты не являешься грабителем... *(отодвинув фасонистой туфлей в сторонку кирпич, уличающий комсомольца в обратном)* тайным агентом будешь, осведомителем.

Васька Подтёркин *(алчно, с придыханием, порывисто подавшись к вербующему)*. Платным?!

Генерал Наднамный. На общественных началах! Понятно?

Васька Подтёркин *(поник)*. Понятно...

Генерал Наднамный *(в казённые манере разъясняет внемлющему сексоту обязанности общественника)*. Подслушивай, подглядывай – и обо всём докладывай. Рискну – окажу тебе эту высокую честь. Постарайся оправдать доверие, – чем смягчишь дальнейшую свою участь. Кхэ-кхэ...

Васька Подтёркин *(присягает верноподданнически)*. Готов я на любые почести!.. из расчёта на смягчение участи... Вот.

Заткнув «стечкина» за пояс, пухлощёкий, чертыхаясь, высвобождает из газонного дёрна портфель, утрамбованный неврубонскими ботами.

Товарищ генерал, из портфеля что-то течёт.

Генерал Наднамный *(вскрыв сочащийся портфель, обнаружит исковерканный термос, изломанный зонтик и полиэтиленовый блин, просвечивающий ий колбасными бутербродами, частично ставшими фаршем)*. Ч-ч-чёрт, термос разбился – кофе вылился...

Васька Подтёркин *(лебезит, лизоблюдничая)*. Кофеёк?.. Угости, пока не стёк?.. С сахарком наверняка?.. Уй, аромат какой, Илюха... Высший сорт, товарищ генерал, – арабика?

Генерал Наднамный *(бурчит раздражённо, стряхивая с полиэтилена кофейную росу)*. Арабика, арабика... *(Упокоив останки термоса и зонта в урне, накрывает портфель, вознамериваясь слить сочащееся.)*

Васька Подтёркин. Подожди, не выливай! Илюха, кружки!..

Неврубон, запустив ручищу в торбу, наощупь добывает оттуда две жестянки из-под консервов, закопчённые до гудронной кондиции.

Подставляй.

Илюха Неврубон *(грезяще уминая блин)*. Пожрать ишо б, – под ложечкой сосёт...

Генерал Наднамный *(сквалыжно упрятав блин в боковой карман пиджака, торцом накрывает портфель над посудинами)*. Ну-с... Ч-ч-чёрт, кого это несёт?

Окрест разносятся разноголосые надсадные вопли: «Мили-и-иция!.. Помогите-и-ите!.. А-а-а!.. Гра-а-абят!.. А-а-а!..»

К единомышленникам, сгруппировавшимся над кожистым кофейником, ковыляет согбенный старец, чернец, в заgrabной ризе великой схимы; на ней, вышитый белизноватой пряжей мулине, осьмиконечный крест погостного масштаба; поверх богобоязненно склонённой головы капюшонная куколь иеромонашеского смиренномудрия и беззлбия. Узковласая брада старца, окрученная вокруг шеи на манер кашне, ниспадает серебряным водопадом, касаясь бывалых сандалий на босых, пилигримских ступнях, которые поочередно мелькают из-под волочащейся окаёмки мантии.

Старец Калькутта *(оперевшись о клюку, в перстах сварганенная из газетной осьмушки козья ножка)*. Эй вы, огоньку не найдётся?.. По какому случаю народ табунится? *(Зыркнув на жертвующего из портфеля струящуюся духовитость, с лукавой веселинкою.)* Своевременно

нагрнул, братцы, я? Что за мероприятие? Благотворительная акция? Разлив кофейной гущи широким слоям неимущих?

Доверша мелиорацию портфеля, жертвователю возлагает демонстративно длань на внушительную стечкинскую рукоять.

Неврубон, по-богатырски выкатив грудь, выказывает показушное рвение лечь костыми, а благодетеля оборонить.

Генерал Наднамный (*хамовито*). Что за личность, будешь кем ты? Предъяви-ка документы!

Старец Калькутта (*бормочет тихомолком, невнятно*). Скинуть финку, скинуть фомку – застопал мент на ксиволомку... (*Окрысивишись*). Документики?.. Ишь, какой спесивый! Сперва сам разломи мильтонскую ксиву! Нарушать устав, начальничек, негоже: по форме представься, как положено – вежливо, под козырёк... Или службы не знаешь, милоч? Без фуражки, гляжу, без кителя...

Генерал Наднамный (*смущён, пристыженный правомерным требованием*). Да-да, разумеется, дедушка, – простите... (*Раскрывает удостоверение, представляется корректно.*) Перед вами, гражданин пенсионер, – генерал, милиционер: начальник контрразведки Системы спецмедвытрезвителей МВД СССР. Фамилия моя Наднамный. Я в Главке, дедушка, не самый главный; в гастроном направлен – по заданию вышестоящего по званию. Приказ есть приказ, субординация у нас. Кхэ-кхэ... (*Воздыхает удручённо, возвращая в штатское милицейские корочки.*) Чертовски неприятная миссия, откровенно говоря...

Старец Калькутта (*запанибрата*). Неужто помоложе не нашлось шныря? Не западло тебе, касатик, при твоей-то должности?

Генерал Наднамный (*вспылл, задетый панибратством*). Дед, а вот это не твоего ума дело. Задание – государственной важности!.. Не хватало мне приказы руководства обсуждать с первым встречным... Кхэ-кхэ... (*Остыв в кратком бессловесном интервале, консультируется озабоченно.*) Кстати, ты не в курсе – завтра водку выбросят в продажу где, конкретно в каком вино-водочном?

Старец Калькутта. Как же, как же – в курсах. По всей Москве, чай, мотаемся на колёсах – с напарничком, в грузовичке... Заглохла колымага... (*Бесхитростно, по-простецки.*) Там и документы: недалече – в кабинке, в бардачке. Слётаешь, проверишь?

Генерал Наднамный. Да верю я тебе, дед, верю...

Надсадные вопли утихли. Ограбленные переживают молчком, стерпелись.

В гнетущей ночной тиши отчётливо слышен артритный хруст коленных хрящей, вторящий неуклюжему книксену физкультурного приседания.

Уровняв рослость с согбенностью, матёрый милицейский контрразведчик заглядывает проверяюще под капюшон куколи.

Иконного письма лик чернеца подпорчен богомерзкой червоточиной, поросычьим пятачком рыльца; силиконовый колпачок покрывает изъян вырванных ноздрей. Сквозь завитушечные чёлки обвислых бровей, застящих вежды, мертвяще мерцают магнетические уголья манипулятивных, сатанинских зениц.

(*Буравя штопорными зрачками преисподненские уголья, подпавший под воздействие манипулятора, заморожённо щурится, тщась припомнить.*) Чертовски знакома мне твоя физиономия... По-моему, встречал тебя в нашем гастрономе я... Ты не из нашего района, нет, – не кашенковский? (*Выпрямляется.*)

Старец Калькутта. Избави бог! Марьинорощинский... При князьях-боярах в тех краях вольнягой бескандалным жил; не лимита залётная – старожил. Сверстник я Москве нетленной...

Генерал Наднамный. Ого! Возраст почтенный... Зовут-то тебя как?

Старец Калькутта. Меня-то?.. Старцем Калькуттой дразнят пацанята... (*Виноватится.*) Ты не гневайся, важняк, на старика – низринул до шныря. Обмишурился!.. Выходит, напоролся я на тихаря?.. Цивильный клифт – для понта? Конспирация?

Генерал Наднамный (*озираясь бдительно, секретным шепотком*). Тихо, тихо, дед! Гостайна, спецоперация... Кхэ-кхэ... (*Деловито.*) У меня к тебе предложение. Ты не мог бы мне помочь, за денежное вознаграждение? До гастронома если б проводил, – бутылку б я тебе, или заплатил. Сам, боюсь, не ориентируюсь... Твоя задача, так сказать, – рассказать и показать... (*Уточняет время, мельком запустив взор под меловый манжет парадной рубашки.*) Уж полночь скоро, без пяти, – за спиртным пора идти... Поможешь вино-водочный найти? (*Услужливо возжёт зажигалку Zippo.*)

Чернец воскурил сигарку, Неврубон засмолил хабариком. Важняк, обнародовав «Мальборо», закуривает и сам.

Подтёркин теребит требовательно куратора за рукав, домогаясь курева в подсунутую попрошайнически ладошку; заполучив истребованное, укладывает подачку в пустовавшую пластмассовую мыльницу, пополняет бурдючок новоявленным портсигаром и заикливается на сборе манаток, вывалившихся из коробок, деятельно komponуя рухлядь по картонным развалинам.

Старец Калькутта (*мироточа сердечной участливостью*). Отчего б не подсобить мильтону? Не по понятиям, чай, живу – по законам. Да и времечка у меня навалом... (*Разудало.*) Эх, была ни была – сблатовал! – подпишусь к тебе в помогалы; и до гастронома провожу и, чем смогу, удружу... (*Допытывается вёдливо.*) Но ты сперва, как на духу – колись! – поллитруха на кой сдалась? Вам же, важняки, кремлёвские положены пайки – там и водовка, и коньяки... Что привилегий лишил Горбачёв, не поверю нипочём.

Генерал Наднамный (*доверившийся участливости, объясняется подробно*). Кхэ-кхэ... Видишь ли, суть вот в чём... В Главк из Центрального Комитета фельдъегерь прибыл – лейтенант, с пакетом; распечатал глава МВД, персонально; вызвал в кабинет – и приказал, официально... Э-э-э... (*Чертовски удручённый неприятной миссией, видимо, цитирует напутственную тираду главы МВД СССР, одобренную кабинетным оптимизмом.*) Цель задания проста: проникнуть в значные места, среди народа покрутиться, по-свойски в очередь внедриться, купить бутылку водки и обстановку отразить в оперативной сводке. Самим генсеком затребована информация – процесс пошёл как в государстве... кхэ-кхэ... деалкоголизации. (*Искательно.*) Договорились? Содействие милиции окажешь? Расскажешь всё, что знаешь, а? Покажешь?

Старец Калькутта (*заверяет убаюкивающе, усыпляя бдительность*). Всё расскажем, всё покажем...

Илюха Неврубон (*осчастливленный, щёлкает забулдыжно палочной сарделькою по кадыкастой своей глотке*). ...а поллитру – вместе вмажем!

Васька Подтёркин (*деятельно укрепляющий развалины обвивками скотча*). Ты не беспокойся.

Илюха Неврубон. Главное – не смойся.

Старец Калькутта. Пайку скрысить – смертный грех.

Илюха Неврубон. По-братски мы её, на всех!

Генерал Наднамный (*цурается чванливо*). Нет-нет, увольте: водку без меня вы распивайте, граждане, – в своём кругу. (*Бомжам, превентивно пресекая поползновения.*) И предупреждаю: бутербродами я с вами поделиться не смогу; диетическая колбаса – из спецбуфета, а у меня – диета. Кхэ-кхэ...

Старец Калькутта (*укоряет сговорчиво*). Да на кой нам бутерброды! Ох, и далёк ты от народа... С нашей скотской-то житухой – разжиться лишь бы поллитрухой: закушу я мухой, фантиком занюхаю... (*Инициативно.*) Ну? Что стоишь как вкопанный?

Васька Подтёркин. Теряем время впустую.

Илюха Неврубон. Потопали?

Генерал Наднамный. Да-да, подзадержался, – времени в обрез.

Повсеместные надсадные вопли окрест: «Мили-и-иция!.. Помогите-и-ите!.. А-а-а!.. Гра-а-а-а-а!.. А-а-а!..» разнообразит надрывное оранье: «Карау-у-ул! Пожа-а-ар! Мили-и-иция!.. А-а-а!..»

(*Обнародовав ствол из брюк.*) Ну-с...

Калькутта ковыляет из-под фонаря. Неврубон топает почтительно за старцем. Замыкающий настороже, оружие наизготовку, в полусогнутой, прилажено к экстренной стрельбе, следует за провожатыми.

Подтёркин, рачительно прибрав в банку гойевские обкурки, охватывает коробочную развалину и, паровозно пыхтя, эшелонирует неподъёмные манатки вдоль череды столбов в даль; складировав ценности где-то вне видимости, бегло навещает оставленное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.